

ДЕВИЗ: ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ

Театр основан 30 лет назад. За это время на его сцене поставлено 130 спектаклей.

Театр дважды гастролировал во Львове — в 1956 и 1960 годах. С 1966 года театр возглавляет заслуженный деятель искусств РСФСР Александр Дунаев. Львовские зрители старшего поколения помнят поставленные им в пятидесятые годы на сцене Львовского театра Советской Армии спектакли «Люди, которых я видел» С. Смирнова, «Барабанный» А. Салманского и другие.

С театром постоянно сотрудничают Л. Леонов, А. Макасинок, В. Розов, А. Арбузов, Н. Дворский, Л. Зорин и другие известные советские писатели и драматурги.

Спектакли театра «Человек со стороны», «Ленушка», «Общественное мнение», «Не от мира сего», «Женитьба» являются лауреатами московских и всесоюзных театральных фестивалей. Спектакль «Дон Жуан» Мольера удостоен Золотого приза на Международном фестивале в Югославии в 1974 году.

Вперед — мессе гастролей. Из названий спектаклей, среди них — последние письма советских авторов и формирующие шедевры классики. Спектакли, в которых зрители увидят юных дебютантов и известных артистов.

Это все будет на сцене. А о чем размышляет, чем живет театр, что думают об искусстве в своем труде, своем театре его ведущие актеры и режиссеры?

Мы попросили рассказать об этом заслуженного деятеля искусств РСФСР, главного режиссера театра А. Дунаева, заслуженного артиста ЗСФСР, лауреата Государственной премии СССР М. Козакина, заслуженного артиста РСФСР Л. Дурова и режиссера театра А. Эфроса.

— Александр Леонидович, вы руководите одним из самых популярных в стране театров. XXV съезд КПСС отметил, что творческая интеллигенция, деятели искусства вносят все более весомый вклад в общепартийное, общенародное дело строительства коммунистического общества. Как ваш коллектив понимает и претворяет эти задачи?

— XXV съезд нашей партии провозгласил девизом новой пятилетки искусство и эффективность. Для театра качество и эффективность — целый комплекс самых насущных задач. Качество — это прежде всего более тонкое, более глубокое исследование действительности, это четкость, актуальность идейных позиций, эмоциональная убедительность, художественная завершенность. А эффективность нашей работы — доверие зрителя к театру. Оно, если можно так сказать, измеряется той суммой серьезных и новых мыслей, чувств, с которой зритель покидает театр и которые затем входят в его душевный, умственный потенциал.

Театр призван в полную силу осуществлять свою роль трибуны, кафедры, учебника жизни — во всем многообразии и многоаспектности смысла этих понятий. И тот всеобщий, захватывающий интерес, который сегодня вызывают проблемы экономики, управления производством как проблемы идеологические, нравственные, наглядно демонстрирует возросший уровень гражданственности театра.

Как человеку быть? Каким ему быть? Как расковать все лучшее, что заложено в человеке — его жажду добра и справедливости, его общественный темперамент, нетерпимость к фальши, к нравственной глухоте? Вопросы, которые требовательно, настойчиво ставят жизнь, искусство... Театр, который несет зрителю радость общения с прекрасным и радость простого человеческого общения, обязан вместе со своим зрителем искать и находить ответы, обогащать его духовный и эмоциональный опыт.

«Человек со стороны» Дворского, «Своей дорогой» Ибрагимбекова, «Рассказ от

первого лица» Гребнева, «Снятый и назначенный» Волчека... Здесь мы хотели не просто назвать или даже показать те социально-нравственные явления, которые волнуют сегодня общество, но и вскрыть их социально — психологическую сущность, утвердить образ современника, сознающего ответственность за судьбы мира и общества.

Театр, как известно, искусство коллективное. И... необычайно трудное. Помните, Маяковский говорил, что поэт единого слова ради изводит тысячи тонн словесной руды. В театре, чтобы поднялся занавес, тысячи тонн различной руды изводит люди самых разных и сложных профессий. Здесь взаимодействуют слово драматурга, интонация и мизансцена актера, звук музыкального оформления, живописное пятно декораций и костюма, мысль и воля режиссера... Мы знаем — зритель не возмущает спектакль, в котором расплывчатые внутренние критерии, приблизительно творческая позиция, спектакль, не освещенный истинной любовью к людям. А достигая это не только точно поставленной целью, зрелостью мироозернения, вершинами профессионализма, неустанным совершенствованием мастерства. Достигается это, прежде всего, талантом. Талантом актеров, режиссеров, художников, драматургов.

Думаю, что вы увидите и по заслугам оцените их на спектаклях.

— Михаил Михайлович, давайте вспомим Вас в роли совсем юного Гамлета в спектакле Ю. П. Орлюкова в театре имени Маяковского. Потом мы знали Вас артистом театра «Современник» и МАХАТ. Что привело Вас на Малую Бронную?

— Со всей честностью могу сказать, что меняя я театры исключительно исходя из творческих соображений, которые зависят от многих компонентов, формирующих актера. И поэтому не жалею ни об одной «измене». Не вдаваясь в объяснения о предыдущих в моей жизни театрах, попробую рассказать о том, что в настоящий момент меня при-

Александр ДУНАЕВ

Михаил КОЗАКОВ

Лев ДУРОВ

Анатолий ЭФРОС

ци режиссеров А. Л. Дунаева и А. В. Эфроса.

Наконец, труппа. Сила труппы как мне кажется, а ее разнообразие, разным возрастным составом — от опытных мастеров старшего поколения до на мой взгляд, очень интересной молодежи, недавно пришедшей в театр.

Все это рождает возможность эксперимента, поиска, исключает равнодушие и застой.

Что касается меня лично, то за четыре сезона я сыграл три заметные роли: Кочуева в «Не от мира сего» Островского, Дон Жуана в философской комедии Мольера, Кочкарева в спектакле «Женитьба». Если допустить, что руководство театра доверило мне постановку комедии Л. Зорина «Покровские ворота», которую увидит львовский зритель, могу сказать, что «спросика на место жительства» в театре на Малой Бронной меня радует.

— Лев Константинович, как вы думаете, что самое главное для современного актера?

— Мне кажется, что каждый современный актер должен найти свою тему. Тема может расширяться, видоизменяться, но она должна быть. В течение многих лет мне пришлось играть так называемых «маленьких людей». Все знают: Акакий Акакиевич в «Шинели» или Маддаденко в «Чайке» — маленький человек. И мне захотелось это опровергнуть. Нет, человек не должен быть маленьким! Маленький человек — это тот, который выключил свой мозг, подогнул колени и приобрел для лица маску жалости или всеготовности. Но сделал это он сам. Для меня «маленький человек» — это несчастье или зло. Потухший и смирившийся человек не может вызвать ни любви, ни уважения. Может быть только жалость, а это чувство, унижающее человеческое достоинство. Мне посчастливилось сыграть один из драматичнейших образов Федора Михайловича Достоевского — штабс-капитана Снегирева в пьесе В. Розова «Брат Алаша» по мотивам романа «Братья Карамазовы».

Когда-то в Московском Художественном театре Снегирева играл Москвин. Говорят, что играл потрясающе. Играл высокую марту унижения и раздвоенности. Конечно, я не собирался вступать в спор с великим Москвиным. Просто я думаю иначе. Нет, не унижение и раздвоенность, а протест против унижения, вызов жизни.

Спектакль — это не только то, что происходит на сцене, — это пространство между сценой и залом, которое должно быть заполнено актерами и зрителями. Это эмоциональное поле, которое вызывает и радость, и слезы. В каждом человеке, учащемся со спектакля, должно родиться что-то новое: возмущение, протестующее, любящее, ненавидящее. В этом рожденье надежда театра, его смысла. И зрители идут в театр с надеждой. С надеждой на праздник. В зале медленно гаснет свет, на сцене он разгорается, постепенно набирая свою зловещую силу. И вот первые движения, первая реплика...

Итак, до завтра — до первой встречи львовян с театром на Малой Бронной.

ни. Снегирев не хочет сдаваться. И в его вызове величие этого маленького человека.

И обратная сторона этой темы: зло. В многосерийном телевизионном фильме «Семнадцать мгновений весны» мне пришлось играть самого отартаченного человека: провокатора Клауса. В сценарии Штирлиц обращается к Клаусу с вопросом: «А вы не пробовали писать?». И тот отвечает: «Нет». Вот за это «нет» я и ухватился. Я отвечал через паузу, неуверенно. Конечно же, он пробовал писать, мечтал стать писателем и наверняка мечтал стать хорошим писателем. Но не получилось, не хватило таланта. И вот тогда свою несостоятельность Клаус обращает в ненависть. И он становится творцом провокации. Самого измененного, что может быть. «Маленький человек» становится большим злом. Кроме страшного зла, он ничего не может принести людям.

— Анатолий Васильевич, что же все-таки такое, по-вашему, театр!

— Театр, по моему убеждению, это средство передать другим свои чувства. Поделившись с людьми тем, что меня как человека и художника волнует, тем, что доставляет мне радость или боль. Быть может, даже передать не столько сами чувства, сколько процесс их кристаллизации, их рождения, развития.

Я хотел бы, чтобы каждый спектакль всегда отличался естественностью, театральностью и гражданственностью.

В театре меня больше всего волнуют проблемы, связанные со становлением человека. Не отвлеченные проблемы, а сама его жизнь, которая формируется на сцене. Естественности поведения персонажа, это достоверность обстоятельств, в которых он действует. Театральность — это не что иное, как собственная режиссерская фантазия. И, наконец, главное — отношение художника-гражданина к жизни, его личная заинтересованность всем тем, что творится в окружающем его мире.

Я не перестаю удивляться тому, что радиоприемник может поймать любую станцию, хотя он маленький, умещается в кармане или стоит в закрытой комнате... Весь мир изобилует звуками. Художник мне представляется таким приемником. А весь мир полон мыслями, чувствами. И надо уметь настроиться на ту волну, которая вызывает ответные чувства у читателей и зрителей.

30 ИЮНЬ 1976 — «Львовская правда»